

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Любвеобильный джек-пот
Встретимся в другой жизни	Длинная тень греха
Я – его алиби	Личное дело соблазнительницы
Девушка с секретом	Большие проблемы маленькой блондинки
Блудница поневоле	Красотка печального образа
Неплохо для покойника	Ночь с роскошной изменницей
Стервами не рождаются!	Окно в Париж для двоих
Дожить до утра	Лицензия на harry end
Крестный папа	Черная корона
Ничто не вечно под луной	Рыцарь чужой мечты
Миллион причин умереть	Демон искушения
Рыжая-бесстыжая	Грешница в шампанском
Охотники до чужих денег	Принцип Отелло
Мужей много не бывает	Исполнительница темных желаний
Ты у него одна	Жизнь нежна
Любитель сладких девочек	Мода на чужих мужей
Игры в личную жизнь	Пока смерть не разлучит нас
Черт из тихого омута	Завтра не наступит никогда
Обмани меня красиво	Пять минут между жизнью и смертью
Старая тайна, новый негодяй	Любовь окрыляет
Миллионерша поневоле	Единственная моя
Внимание: неверный муж!	С первого взгляда
В любви брода нет	Второй подарок судьбы
Последняя ночь с принцем	Зеленые глаза викинга
Осколки ледяной души	Тайна, приносящая смерть
Счастье по собственному желанию	Цвет мести – алый

Не доставайся никому!	Пленная птица счастья
Чужая жена — потемки!	Ничего личного, кроме боли
Возвращаться – плохая примета	Заговор обреченных
Врачебная тайна	Узнай меня
Призрак другой женщины	Заповедник потерянных душ
Тайну хранит звезда	Ангел мщения
Семь лепестков зла	Первый шаг к пропасти
Свидание на небесах	Вкус запретного плода
Ведьма отмщения	Исповедь обманутой жены
Программа защиты любовниц	Свидетельницы зла
Кинжал в постели	Королева отшельников
Гнев влюбленной женщины	Игры небожителей
Лучший день в году	Грех с ароматом полыни
Нирвана для чудовища	Кукла-любовь
Незнакомка с тысячью лиц	Позови ее по имени
Последнее прибежище негодяя	К северу от любви
Счастье с третьей попытки	Пепел прошлого
Подвенечный саван	Без крестной феи
Заклятие счастья	Псевдоним украденной жизни
Торговка счастьем	Цена откровения
Амур с оптической винтовкой	Конец игры с продолжением
Мечь Спящей красавицы	Шоу семейных секретов
Демон ревности	В интересах личного дела
Преступно счастливая	Правда персонального формата
Изменница поневоле	Простить нельзя помиловать
Закон сильной женщины	Лабиринт простых сложностей
Без вины преступница	

ГАЛИНА РОМАНОВА
ЛАБИРИНТ ПРОСТЫХ СЛОЖНОСТЕЙ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.
Р69   Лабиринт простых сложностей / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-172135-0

Полковник Хмельнова имела неосторожность назвать новое дело банальным. И как сглазила! Стройная версия рассыпалась, все запуталось, и кого подозревать в совершении убийства, непонятно... А началось все с того, что две подруги не поделили парня. Алла пригласила Ирину в гости, рассказала, что собирается уезжать с любимым Иваном на Сахалин, даже продает квартиру. В разгар ссоры соперниц Алле позвонил Иван, и она побежала к нему. А потом Ирину с окровавленным ножом в руке застали на лестнице над телом резанной Аллы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172135-0

© Романова Г.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ШАБА 1

В кабинете было прохладно и сумрачно. Кондиционер, выставленный на двадцать два градуса, работал исправно. На окнах были опущены жалюзи.

— Там был кто-то еще! Это не я! — попыталась возмутиться девушка, сидевшая к нему спиной, лицом к подполковнику Хмельновой.

— Кто был? — ровным спокойным голосом поинтересовалась Маргарита Сергеевна.

— Я не знаю! Я не помню! — узкая спина девушки выгнулась дугой, послышался характерный всхлип. — Но это не я!

Он внимательно наблюдал за допросом, который проводился в кабинете, а не в комнате для допросов. Хмельнова настояла. Наблюдал не потому, что его кто-то попросил об этом. Сам захотел. Очень ему было интересно, как Хмельнова станет «крутить» подозреваемую в убийстве своей знакомой.

О ее профессионализме ходили легенды. И раскрываемость будто у нее была выше некуда. И преступников «колола» на щелчок пальцев. Правда, непонятно было, почему ее при таком рейтинге и

заслугах сослали с самого верха в их отдел в рядовом районном отделении полиции. Он попытался узнать — тишина.

— Никто не знает, Дима! Полковник, конечно, в теме, но разве он расскажет! — шептала ему по секрету дознаватель Верочка Умова, склоняясь над столом в его сторону, когда они обедали в их ведомственной столовой. — Тетка жуть какая крутая. Но где-то попала. Будь с ней осторожнее.

Он согласно кивал, а про себя думал, что осторожничать ему следовало больше с Верочкой, нежели с Хмельновой. Слишком уж стремительно дознаватель Умова в последнее время сокращала между ними дистанцию...

— А кто?

Хмельнова глянула на подозреваемую исподлобья, замерла с авторучкой, занесенной над девственно чистым протоколом допроса.

— Я не знаю! — в девяносто девятый, наверное, раз повторила девушка.

— А кто знает? — этот вопрос тоже повторялся за последние полчаса неоднократно.

— Я не знаю!

Ладони девушки легли на лицо, плечи задержались. Она заплакала. Хмельнова наблюдала за ее слезами без эмоций. Дима вообще сомневался, что эта женщина способна чувствовать хоть что-то. Она смотрела на окружающий ее мир всегда одинаково: холодно и равнодушно. Никогда не улыбалась. Боже упаси ей засмеяться!

Ему она напоминала его учительницу по биологии. Та была такой же: холодной, надменной, бес-

• *Лабиринт простых сложностей* •

чувственной. Они даже внешне были похожи. Узкое лицо, высокий лоб, гладко зачесанные в старомодный пук черные волосы без намека на седину. Рост под метр восемьдесят, худая до измождения. Никакого лака на ногтях. Чистые короткие ногти. Всегда низкие каблуки и темная одежда.

Да, одно лицо с его учительницей по биологии. Он поймал себя на мысли, что ждет, что Хмельнова вот-вот скажет девушке:

— Садись, не готова, два!

Конечно, она ей так не скажет. Но сидеть девушке придется. Потому что она зарезала свою знакомую в момент бытовой ссоры. И почти ничего из событий того рокового вечера не помнит. Просто был алкоголь, много запретных разговоров и тот самый один-единственный, которого они пытались поделить между собой.

— Банально до отвращения, — прошипела Хмельнова, когда дело легло на ее стол. — О чем думают эти дуры, бросаясь на шею подобному мерзавцу?

Дима удивленно глянул на нее, промолчал. Но Хмельнова, надо отдать должное ее проницательности, тут же все поняла.

— Вы, Дмитрий, считаете, что в данной ситуации девушки сами виноваты?

— Допустим, — пробубнил он невнятно.

Ему страшно не хотелось вступать с Хмельновой в дискуссии. Теткой она казалась ему зловредной и злопамятной. Эти слухи о ней уже вдогонку к его мнению прилетели, без уточнения причин ее понижения в должности.

— Нельзя себя навязывать мужчине, если он это так откровенно не хочет, — все же решил он уточнить.

— А если этот самый мужчина — отъявленный засранец? И ему нравится играть судьбами таких вот дур, как эти девушки? — прищурила в тот момент холодные темные глаза Хмельнова. — Он провоцирует их, сталкивает лбами, наблюдает со стороны и потешается. А то еще и ставки делает. Да, да, не надо изображать недоверие, юноша. И такое в моей практике встречалось.

— И чем закончилось? Тоже соперницы сошлись в поединке?

— Нет. Поножовщины не случилось... А еще бывает, что кто-то что-то придумал для себя и намертво в это поверил. — Хмельнова повернулась к нему спиной, что-то высматривая за окном. — И в этом случае одна из них оставила записку, в которой обвиняла своего парня. И вышла из окна десятого этажа.

— И что, парню ничего не было? — заинтересовался Дима.

— Следствие не смогло доказать его вины. Девушка сама...

— Была виновата? — хмыкнул он.

— Нет. Она просто расценила его знаки внимания неправильно. Немного не так, как следовало. Решила, что он ею увлекся. А он... — она резко повернулась, так же равнодушно глядя. — А он просто старался быть вежливым. Но это совсем не то, что мы имеем на данный момент. Здесь для меня все очевидно.

• *Лабиринт простых сложностей* •

Он смотрел вопросительно. И она снизошла до объяснения:

— Мерзавец спал с обеими. Каждую уговаривал держать их отношения в тайне, уверял, что любит только ее, а ту — другую — избегает. И вообще не знает, как от нее отделаться. Банально до отвращения. Получим признательное и будем двигаться дальше...

Но вот с признательным выходила просто беда. Девушка наотрез отказывалась признавать вину. И на каждом допросе твердила одно и то же:

— Это не я... Там был кто-то еще... Я не помню, не видела — кто.

Хмельнова из кожи вон лезла, загоня девушку в угол такими же односложными вопросами:

— А кто это был?.. А кто знает?.. А кто видел?..

Результата не было.

— Так и до психиатрической экспертизы недалеко, — проворчала Хмельнова, когда подозреваемую увел конвоир. — Может, она под дурочку косит? Что молчишь, капитан? Какое твое мнение?

Она вдруг пару дней назад перешла с ним на «ты». Неужели! Спросила его мнение! Обалдеть!

— Не думаю, что она пытается выставить себя нездоровой, — осторожно начал Дима. — Она просто была пьяна и ничего не помнит. Так бывает.

— Но анализ ее крови установил, что она выпила не больше двух бокалов вина. Этого недостаточно, чтобы вообще ничего не помнить. И жильцы подъезда, которые вызвали полицию, в один голос утверждают, что, открыв дверь на крики, увидели, как наша подозреваемая держит окровавленный нож в руке

и орет. Стоит над лежащей на лестничной площадке мертвой девушкой с ножом в руке и орет не своим голосом. Ну что тут огород-то городить, капитан? Убила, а теперь — не помню.

— Может, и не помнит из-за сильнейшего психологического потрясения.

— Да помнит она все! — резко возразила Хмельнова, заходя по кабинету со сложенными на груди руками. — Она не была пьяна настолько, чтобы не помнить. Не дура, по глазам вижу. Выгораживать некого. На подъездных камерах никто не засветился на момент убийства. Никто, кто был заинтересован в смерти ее знакомой. Ты всех проверил?

— Да, — не совсем уверенно произнес он. — Всех, кто входил и выходил из всех четырех подъездов этого дома на момент, предшествующий убийству, и после него.

— Никого, заслуживающего нашего внимания? — встала Хмельнова перед его столом.

— Никого, — уже увереннее проговорил Дима.

— А убитая девушка? Ты проверил ее контакты, друзей, знакомых, родственников?

— Не все, — вот тут он не стал врать, потому что почти никого еще не проверил. — Времени не хватило. Я один. Все в отпусках.

— Нашли тоже время в отпуску уходить, — проворчала Хмельнова, отходя от его стола. — Я, конечно, понимаю, почему ты не усердствуешь, капитан. Готовая подозреваемая в камере, чего лишние телодвижения совершать, так? Так... А вдруг? Вдруг она говорит правду? Вдруг это не она убила соперницу?

• *Лабиринт простых сложностей* •

— А кто? — с усталым вздохом спросил Дима. — Мы же с вами знаем, как было дело, товарищ подполковник.

Да, они совершенно точно знали, что четыре дня назад, вечером, ближе к девяти, девушки встретились на квартире жертвы. Она, собственно, и настояла на встрече. И даже накрыла стол, выставив бутылку вина и торт. У двери, встретившись, девушки даже обнялись. Уселись за стол и...

И тут началось!

Они принялись выдавать друг другу ту самую страшную тайну, которую их общий любовник слезно просил обеих скрывать.

— А почему? Почему именно тем вечером? Почему точки понадобилось расставить именно тогда? Ни днем раньше. Ни днем позже. — Она дождалась его недоуменно поднятых плеч и удовлетворенно ответила самой себе: — Потому что их любовник тайно сообщил каждой, что уезжает в длительную командировку на Сахалин. На год! И хочет взять...

— Каждой из них он сказал, что именно ее, — продолжил Дима.

— Именно. И сетовал, гаденьш, что не может сделать одной из них больно, рассказав правду о другой. По сути, он столкнул их лбами. Устроил поединок.

— И избавился сразу от обеих. Его тоже надо бы привлечь к ответственности, товарищ подполковник.

— погоди, не перебивай мою мысль, капитан. — Тонкий палец с коротким ногтем прилип к ее подбородку, взгляд поплыл. — Девушки принялись выяснять отношения, сидя за столом и выпивая. Ссора набирала обороты. Каждая мнила себя единственно

любимой, а соперницу считала помехой. В какой-то момент их ссора выкатилась за пределы квартиры и...

Она растерянно глянула, нахмурилась.

— Как они оказались на лестничной клетке двумя этажами ниже, капитан? Почему именно там одна убила другую? Не в квартире, где никто не увидел бы подозреваемую с ножом в руке. Почему там?

— Может, та, что убила, в какой-то момент захотела уйти? А хозяйка квартиры, решив, что ничего еще не ясно и не решено, бросилась за ней следом...

— С ножом в руке! — перебила его Хмельнова с хищным прищуром. — Набросилась на нашу подозреваемую, а та, начав обороняться, убила соперницу по неосторожности. А что? Чем не версия?

— Ей бы именно так и говорить, а она молотит про кого-то третьего, и все тут! Да! — неожиданно вспомнил он. — Откуда у нее синяк?

— Синяк? — подняла тонкие брови Хмельнова. — Какой синяк?

— Когда она сидела ко мне спиной, я обратил внимание на синяк за ее левым ухом. Довольно большой. Под воротником ее рубашки не очень удалось рассмотреть. Но синяк точно имеется. Откуда?

— Наверняка получила его в момент драки с соперницей, — как-то даже беспечно отозвалась Хмельнова.

И вдруг задумалась. И произнесла после непродолжительной паузы:

— Но уточнить все же необходимо. А вообще, капитан, не следует нам так глубоко рыть. А то, не дай бог, шахтеры полезут. Банальное же дело. Просто до тошноты банальное.

ШАБА 2

Иван стоял перед зеркалом в собственной ванной и репетировал. Нужного выражения лица не выходило. Где боль, раскаяние, скорбь, наконец? Почему любимая им, симпатичная физиономия расплывается в довольной ухмылке, как он ни пытается ее погасить?

— Блин! — фыркнул он, брызнув на зеркало воды из пригоршни. — Экий ты мерзавец, Ваня!

Конечно, мерзавцем он себя не считал. Он себя любил чрезмерно. И ругать, осуждать или, упаси господи, ненавидеть себя не имел никакого права. Он хороший! Умный, правильный, без вредных привычек. Любовь к женщинам не в счет. Он всегда умел заработать. И навыки не растерял. Он сам для себя был прекрасным стрелочником, умело направляя себя на нужные рельсы. Когда становилось опасно, он загонял себя в тупик и пережидал. Как вот сейчас.

Неожиданно лицо его сморщилось, как от боли. Иван вспомнил, какого выгодного предложения лишился по вине этих двух дур.

— Смотри, Ваня, второй раз не предложу, — разочарованно глянул на него один из знакомых, периодически подгоняющих ему темы для заработка. — Реальные же бабки можно срубить, почти ничего не делая. Взял, отвез, передал. Все!

— Да понимаю я. Но вдруг менты меня пасут?

— Из-за чего? Из-за того, что твои телки тебя не поделили? Так Ирка вроде уже под стражей.

— Под стражей. Но в суд-то ее не везут пока, почему? — он удрученно смотрел на знакомого. — Почему? Есть сомнения потому что. Начнут рыть, блин... Может, за мной уже наблюдают!

— А ты при чем? — таращил глаза знакомый и инстинктивно начинал оглядываться. — Ты же ни при чем?

— Разумеется! — фыркал Иван оскорбленно. — Вся моя вина в том, что вовремя не сумел отделаться от них. Или хотя бы от одной из них. Кто же знал, что Ирка поедет к Алле в гости? И схватится потом за нож! Вот дуры!

И еще какие, но...

Но Иван не мог не признать, что сложившаяся ситуация ему на руку. Он избавился сразу от обеих. Долго тянул, все намекал, намекал. Бросить не решился. Они же просто вымотали ему все нервы! Достали звонками и сообщениями. Хорошо он на квартиру к себе их не возил. Иначе у двери бы ночевали.

В дверь позвонили. Иван закрутил краны. Вытер полотенцем зеркало. Убрал самодовольство с физиономии и пошел открывать.

Он знал, кто к нему явился. Они договаривались о встрече вчера вечером.

— День добрый, проходите, — гостеприимно распахнул он дверь пошире, впуская капитана полиции Дмитрия Андреева.

Он старался выглядеть удрученным: голова низко опущена, уголки рта тоже, глаза полуприкрыты. Так, наверное, должна была выглядеть скорбь.

— Можете не снимать ботинки, — великодушно позволил он менту. И соврал: — У меня не приборано.

• *Лабиринт простых сложностей* •

Соседка, которая занималась в его квартире уборкой, ушла пару часов назад, вылизав квартиру до блеска. Она это делала через день. А он ей довольно неплохо платил.

Они прошли в гостиную. Капитан сел на стул небольшого круглого стола, более походившего на кофейный, нежели на обеденный. Иван развалился на диване.

— Мы вроде с вами уже общались, — напомнил он тут же. — Поверьте, ничего нового я вам сообщить не могу.

— Зачем же тогда согласились на встречу? — скинул его усталым взглядом Андреев.

— Подумал, что, может быть, у вас для меня появилось что-то новое. — Он обхватил колени скрещенными пальцами, мягко качнулся на диване. — Может, в ходе следствия появились какие-то факты, способные смягчить вину Ирины. Может, она оборонялась?

— Может быть... Все будто указывает на то. Но... — капитан широко развел руки в стороны. — Но она продолжает стоять на своем: там был кто-то третий.

— Третий?! — просипел Иван и в притворном ужасе отшатнулся. — Господи! Она совершенно сошла с ума! Какой третий? Кому нужна была Алла, чтобы убивать ее так... Так нелепо!

— Нелепо? — белесоватые брови капитана полезли вверх. — Что вы имеете в виду?

— Ну, товарищ капитан, вы же профессионал! Вы же лучше меня понимаете, что если кто-то собрался убить Аллу, то не полагался бы на такой случай. Ждать на площадке двумя этажами ниже, когда де-

вушки вдрызг разругаются, выскочат из квартиры и побегут вниз по лестнице. И вот тогда-то убийца и нанес свой сокрушительный удар. Согласитесь, это так себе версия.

— Да. Так себе. Если только Ирина намеренно не спровоцировала Аллу, выманив соперницу прямо на убийцу. Как вам, Иван, такой расклад? И не забывайте о ноже.

— А что нож?

— Вы опознали его. Сказали, что это нож из кухонного набора Аллы.

— Вот именно! — фыркнул он, поражаясь бестолковости капитана. — Как может нож из кухонного набора Аллы оказаться в руках третьего лица? Явно Ирка что-то выдумывает.

— Но дело в том, что кухонный нож из того набора был найден на балконе в квартире жертвы. Идентичный тому, которым были нанесены смертельные ранения Алле. И который держала в руке Ирина, когда ее обнаружили соседи.

— В смы-ысле? — вытаращился Иван и скорее угадал, чем почувствовал, как его лоб прорезают глубокие морщины. — Хотите сказать, что Аллу за-резали не ее ножом?

— Именно! — щелкнули пальцы на правой руке капитана.

— А чьим? — он теперь уже чувствовал, не угадывал, как морщится кожа на его лбу. — А кто?

— Ну... Думаю, тот, кто знал о существовании подобного ножа в наборе Аллы. Или это трагическое совпадение. А в них я... — Андреев приложил к

• *Лабиринт простых сложностей* •

уголку рта ребро ладони и заговорщически прошептал: — Не верю!

Ивану понадобилось минут пять, чтобы понять, куда капитан клонит. Он мелко захихикал и шутливо погрозил ему пальцем.

— Не выйдет, капитан. Не выйдет подтянуть меня. Алиби — раз. Отсутствие мотива — два.

— Ну, вот мотив как раз у вас имеется, — по его примеру погрозил капитан пальцем. — Избавиться сразу от двух надоедливых особ.

— Серьезно? Таким варварским способом? Увольте! Я мог бы их просто послать, и все. Да, не скрою, меня начали тяготить эти отношения. Но такое у меня случилось и ранее. И я никого не убивал, это абсолютно точно. Могу предоставить вам список моих бывших любовниц. Все живы и здоровы.

Капитан после его слов заметно сник. Видимо, алиби не раз проверил, и мотив даже ему казался сомнительным.

— А где вы встречались со своими дамами? — спросил он после паузы и потыкал пальцем в пол. — Здесь?

— Упаси меня господи! — фальшиво перепугался Иван. — Мой дом — моя крепость, и только моя. Девочек сюда я не таскаю.

— Тогда где?

— У Аллы дома всегда встречались. С Иркочкой по загородным отелям мотались. Иногда и у нее, когда ее тетка уезжала на дачу.

— Она жила с теткой?

— Она жила у тетки, — поправил его Иван. — И та ей об этом регулярно напоминала.

— А ее родители?

— Ничего о них не знаю. Сами у Ирины спросите...

Ирина на этот счет несла какую-то околесицу про без вести пропавших отца и мать. Еще когда она была в детском возрасте, они якобы пропали в экспедиции. Геологами были. Проверить эту информацию пока не удалось. Ее тетка потрясенно молчала, когда в ее квартире проводился обыск.

— А что о родственниках Аллы? Вам что-то известно о них? Никто не объявился. В телефоне тоже контактов не обнаружено.

— Вот у Аллы точно никого нет. Живет... — Иван на мгновение погрузился, того требовал сценарий. И поправился: — Жила в квартире родителей. Они давно умерли от болезней. Она не раз об этом вспоминала. Как ей пришлось за ними ухаживать и так далее.

— Кому же теперь достанется квартира? — поинтересовался капитан. — Квартира-то большая. Дорогая, учитывая район.

— Вы видели состояние этой квартиры? — скрикнул Иван. — Туда денег вбухать нужно миллионы, чтобы продать достойно. Ремонт еще при ее живых родителях делался. Алла не заморачивалась, ни рубля не тратила на то, чтобы розетку поменять. Ну... А кому достанется, не знаю. Может, объявится кто-то из дальних родственников. Может, государству. Меня это не очень тревожит.

— Угу... — покивал капитан.

Как будто нехотя поднялся и медленно двинулся в прихожую. У двери притормозил и, подмигнув Ивану, тихо поинтересовался:

• *Лабиринт простых сложностей* •

— А вы с Ириной сексом довольно жестко занимались, да?

— В каком смысле жестко? — нахмурился Иван.

— Ну, садо-мазо, типа того, так?

— Нет, не так, — вспыхнул он до корней иссиня-черных волос, неделю назад подкрашенных у знакомого мастера. — Все было вполне пристойно. Я эти всякие извращения не терплю. Не приемлю. Могу предоставить список моих...

— Да, да, я помню, — перебил его капитан, и тут же его белесые брови снова полезли вверх. — Тогда откуда у Ирины такой обширный синяк за левым ухом? Ударить в это место так, чтобы остался синяк, очень трудно, почти невозможно. Это от захвата, точно. Что вам об этом известно?

— Ничего. — Иван снова сделался беспечным. — Я ее не душил никогда. Ну вот ни разу! И уж точно не бил. Никого, никогда.

— И вы можете предоставить полиции список своих любовниц, которые подтвердят, ну и так далее... Я помню. Откуда же синяк?

— А сама Ирка что на этот счет говорит?

— Ничего. Говорит, не помню. Доктор осмотрел ее, счел, что этот кровоподтек появился тем днем, когда Новикова Ирина совершила убийство своей соперницы. И предположил, что этот синяк — результат их потасовки.

— В смысле Алла ей поставила синяк? — Иван с сомнением покачал головой. — Это вряд ли. Алла была неженкой. Никакого рукоприкладства никогда в жизни не совершала. Даже на пощечину не мог-

Галина РОМАНОВА

ла решиться, хотя, я видел, ей не раз хотелось мне врезать.

— Знаете, Иван, когда речь идет о жизни и смерти, можно решиться на что угодно.

— Это не она, — решительно отгнул он подозрения капитана.

— Тогда кто? — Андреев приоткрыл дверь.

— Не знаю, — широкие плечи Ивана высоко поднялись и опустились, и, сам того не желая, он проговорил: — Может, и правда там был кто-то третий?

ШАВА 3

Ирка в конце концов получила то, что заслужила. Всю жизнь она с ней возилась, фамилию они с сестрой ей свою дали. Отчеством наградили, которое сами носили. Считали, что отчество деда будет ей в добрую память и помощь. Уже после смерти сестры — матери Ирины — она всячески пыталась вытравить из девчонки любое напоминание о ее отце. Словно и не было никогда его. Не существовал такой человек. Только его биоматериал, и точка!

Наряжала как куклу. Отдала в лучшую школу в районе. Потом колледж, заочный институт. Работу нашла ей приличную. Платили хорошо. Относились с уважением. И что из всего этого вышло?! Ничего! Все впустую. Все ее старания, забота, какая-никакая любовь — все пущено по ветру.

Гены пальцем не сотрешь, как говорится. Мало того что шалава связалась с мужиком-повесой. Так еще хитрилась убить свою соперницу.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— Закончишь жизнь, как папаша твой, на нарах, — прошипела Клавдия Степановна в телефонную трубку, явившись на свидание со своей племянницей.

— Ты же говорила всегда, что он был геологом, — вяло отреагировала Ирина. — Что он золото искал в горах.

— Золото он искал, только не в горах, — недобро улыбнулась ей Клавдия Степановна. — А все больше по банкам да по домам богатых людей. За что получал срок за сроком. И где-то и сгинул.

— Давно? — проснулся неожиданный интерес у Ирины.

— Давно. Тебе лет пятнадцать было, когда пришел от него человек и сказал, что папаша твой героический на нарах помер. От туберкулеза или от рака, не помню. Неинтересно мне было тогда. Тебе тем более. Я вообще хотела, чтобы ты жила как можно дальше от всей этой грязи. Сестра моя, упокой, Господи, ее грешную душу, связалась с уголовником и слушать никого не хотела. Все ждала его из тюрем, ждала, да и померла в ожидании. А мне тебя вручила. Я старалась, Ира! Изо всех сил старалась вырастить из тебя человека. А что вышло?

Клавдия Степановна отодвинула ото рта воняющую чужими сигаретными парами телефонную трубку, тяжело вздохнула и даже всхлипнула. Хотя ничего, кроме злости и разочарования, не чувствовала. Ну вот ни грамма ей не было жалко племянницу. Дура такая, что натворила!

Сидит теперь, таращит свои зеленые глазищи из-за пыльного заляпанного стекла. Ежится, пытается

спрятать грудь четвертого размера под старенькой кофтой, которую ей Клавдия Степановна передала. Только прячь не прячь, ее все увидят. И охранники похотливые, и сокамерницы. Будут теперь ее красоту тут драть на части, пока в лохмотья не превратят. Тьфу, гадость какая!

— Тетя Клава, я ее не убивала, — тихо произнесла Ирина, низко опуская голову, словно затем, чтобы продемонстрировать ей пышную растительность на макушке.

А она и без того знала, что у Ирки коса в руку толщиной. И цвет волос как с картинки: светло-пепельный. Сама Клавдия Степановна сколько раз пыталась воссоздать подобный оттенок, бесполезно. Ни один салон не справился.

— Ты ее не убивала, конечно! — отозвалась она с легким фырканьем. — Карлсон прилетел, убил твою соперницу. Тебе в руки нож вложил, кровью вымазал и орать заставил так, что все соседи из своих квартир повыскакивали. Я же говорила со следователем. Все знаю.

— Там был кто-то еще, — пробубнила племянница, поднимая на нее упрямый взгляд, за который ее Клавдия тихо, про себя, ненавидела. — Я плохо помню...

— Ключевые слова, детка. Эти слова тебе да в помощь на суде.

Клавдия Степановна скорбно поджала губы, помолчала, потом принялась рассказывать, что положила в передачку.

— Я не курю, — тихо изумилась Ирина.

— Это не тебе, — отмахнулась от нее тетка.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— И мятные пряники не люблю.

— И это не для тебя. Мне тут шепнули, что их любит та, которая отвечает за порядок в камере. Будь умнее! — строго глянула на нее Клавдия Степановна. — Не откровенничай особо. На рожон не лезь. Может, и получится...

— Что именно? — задала последний вопрос Ирина, прежде чем положила телефонную трубку на аппарат.

— Отсидеть тебе свой срок без особых проблем...

Ирину увели. Клавдия Степановна положила трубку на захватанный чужими руками аппарат. Тяжело поднялась и пошла прочь из помещения, которое считала страшным.

Тюрьма для нее была чем-то вроде лепрозория. Что от проказы спасу нет, что от тюрьмы. Излечишься, отсидишь, клеймо все равно на всю жизнь останется.

— Как хочет, — тихо ворчала она, выходя за ворота следственного изолятора. — Сама себе судьбу выбрала. Пусть теперь расхлебывает.

Вообще-то она зря ворчала. Ирина никогда не досаждала ей глупыми поступками. Училась хорошо, была послушной, не грубила, на глаза, когда не надо, не попадалась. Закроется в своей комнате и затихнет часа на три-четыре, когда у тетки настроения не было. Нет, грех ее обвинять в том, что она жила как-то неправильно. До недавнего времени.

Точно, все началось именно со знакомства с этим сволочным мужиком — Иваном. Ирку будто подменили, так она стала на себя не похожа.

— Ты это или не ты? — вытаращилась на нее однажды Клавдия Степановна. — Может, мне анализ ДНК сделать? Может, мне кого-то другого подсунули?

Племянница лишь широко скалилась и заговорщически улыбалась. И еще несла какую-то чушь, что скоро съедет от нее. Станет жить отдельно, обеспеченно и счастливо.

— Живи вот теперь отдельно, — проговорила Новикова негромко, с кряхтением влезая в свои старенькие «Жигули». — Тут тебя и обеспечат всем необходимым. И счастливой сделают. Дура!

Отчихавшись положенные три минуты, мотор старой машины наконец завелся. Клавдия Степановна поехала домой. Вообще-то ей там было делать нечего. Она уже месяц как переехала на дачу. Всегда съезжала с июня по сентябрь. Домой редко когда летом заезжала. Необходимости не было. В дачном поселке и аптека имелась, и магазин, и рынок. Все можно было купить, выйдя за калитку в резиновых тапках. Заезжала лишь квартиру проверить. Вдруг племянница в ее отсутствие мужиков взялась водить.

Но, надо отдать ей должное, Ирка никогда не тащила в их дом грязи. Ни разу ее Новикова не застала врасплох, как ни старалась. И все равно девка ухитрилась вляпаться в скверную историю. Выкрутиться ей не удастся. Следовательно ясно сказал:

— Вашей племяннице грозит серьезный срок. Если бы она изменила показания и утверждала, что нанесла смертельные удары сопернице, обороняясь, тогда бы еще можно было переквалифициро-

• *Лабиринт простых сложностей* •

вать статью. Но она твердо стоит на своем: там был кто-то третий! Ну что за чепуху несет! Поговорили бы вы с ней, Клавдия Степановна.

Он-то и свидание им устроил. Только и ей Ирка подобную чушь несла. А Клавдия уговаривать ее, если честно, и не собиралась. Как ни крути, но она испытала невольное облегчение, избавившись от племянницы. Не за кого теперь переживать. Некому теперь будет ее злить. И под ногами никто путаться не станет. Она снова станет жить одна: тихо и спокойно.

Новикова въехала в свой двор, приткнула «Жигули» за кустами боярышника. Слышала, теперь так парковаться запрещено, газоном это место считается. Могут даже штраф прислать. Только какой же это газон, если земля вытоптана до звона? На ней даже стук каблучков слышен. Газон!

— Клавдия, ну что там, у Ирки-то?

На скамейках у дворового стола сидели ее соседки-ровесницы. Одна с вязаньем, вторая с семечками. Та, что полюбопытствовала, тасовала колоду карт.

— Присядь, присядь, не спеши, — двинула она по скамейке широким задом, освобождая ей место. — Расскажи хоть, что там...

— А что там? Там тюрьма, девочки.

Клавдия послушно присела. Выпендриваться — не вариант. И так клеймо теперь на ней до дней последних: племянница убийца. Не думала, что так замарается. Никогда не думала.

— Ирка-то как? — не отрывая взгляда от вязанья, спросила соседка.

— А никак. Глаза тарацит, не убивала, говорит. Кто-то еще, говорит, на лестничной площадке был. А кто? Что? Не помню, говорит. И как с такими ее утверждениями в суд идти? Посадят ведь. Без вариантов посадят.

— Вот дуреха-то! — сгребла шелуху от семечек в кучку вторая соседка. — Валила бы все на соперницу. Мол, оборонялась и все такое...

— Так и следователь советует. Говорит, статья будет другая. Наказание меньше. А она как глупая! — в сердцах выпалила Новикова.

И, покосившись на Нину Иванову, методично раскладывающую карты на столе, поинтересовалась:

— Что твои короли и валеты говорят? Раскинула бы хоть на Ирку-то.

— Раскидывала не раз. И ничего не понимаю, — оглядела та соседок по очереди. — Выходит у нее хорошая карта. Вопреки всему выходит радость.

— Велика радость — за убийство сесть, — проворчала Новикова, уставившись на карты, выпархивающие по три на стол из ловких пальцев Нины. — А у меня что?

— А вот у тебя, Клава... — Иванова в притворном ужасе округлила глаза. — Какой-то казенный дом да король пиковый. По нескольку раз на тебя раскладывала, все одно выходит. Не собираешься вину за племянницу на себя взять, нет?

— Тьфу на тебя, Нина, — рассердившись, Новикова встала со скамейки и пошла к подъезду.

— Клава, ну что ты обиделась-то? — закричала ей в спину Иванова. — Я же просто... Ничего тако-

• *Лабиринт простых сложностей* •

го... Мало ли, может, ты теперь без Ирки-то наконец свою личную жизнь и наладишь.

Язва противная! Все никак не может забыть, что Клавдия ее двоюродному брату отказала, сославшись на воспитание племянницы. Уже лет десять прошло, а она все помнит. Брат ее спился и помер в канаве. И Иванова нет-нет да подденет Клавдию. Мол, жил бы ее братец с ней, не спился бы и не пропал. И вот ни разу, если вспомнить, за эти годы не нагадала на картах своих ничего путевого Клавдии. Все гадости какие-то говорит. Мол, карта так ложится! Ага, сейчас!

— Не будет у меня никакого казенного дома, — зло шипела Новикова, выгребая из шкафов Иркины вещи. — И пикового короля не будет. Не моя это жизнь. У меня теперь будет другая: спокойная и тихая, как вода в озере в солнечный полдень.

Озеро это она все время вспоминала: самая милая картинка из их с сестрой детства. Летний полдень, тихо, жарко. Папа в тени разводит костер, вешает котелок. Они собрались варить уху из рыбы, которую папа наловил двумя часами ранее. Мама безмятежно смеется, развалившись на мягком пушистом покрывале в метре от костра. Отец что-то шепчет ей, а она смеется.

— Он с ней заигрывает, — расшифровывала ей поведение родителей сестра, она была старше и считала себя умнее. — А ночью они будут целоваться.

— Совсем, что ли! — возмущалась Клавдия. — Они этого не делают. Они уже старые!..

Сколько им тогда было — ее родителям? Маме сорок, отцу сорок пять. Они были даже моложе ее

самой в ее нынешнем возрасте. Ей сейчас сорок восемь. Их она считала старыми. А себя нет. Себя теперь считала...

Да чего уж от себя скрывать, себя она считала невестой на выданье. Одинокая, привлекательная, обеспеченная. С жильем, опять же. Ирка так кстати съехала. Неважно куда. Но съехала же. И не будет путаться у нее теперь под ногами. А Клавдия каждый раз, когда кто-то вознамерится ее проводить, не станет мечтать о том, что вот жила бы она одна...

Странно очень, да, но она не считала свои мысли греховными. Ирка получила то, что заслужила. Клавдия получила то, о чем давно мечтала. Никто, конечно, об этом не узнает. А то еще, чего доброго, сочтут это мотивом. И алиби ее станут проверять. А алиби-то у нее на тот вечер и не было. Спала она в дачном домике. Одна спала.

Все вещи племянницы она собрала в две большие сумки из полосатой клеенки. И снесла в кладовку на этаже. Молодец, сообразила, выкупила в свое время. И банки пустые там хранились. И варенье с компотами. Теперь вот вещи племянницы нашли там свой угол. Квартиру она от нее зачистила.

— Чтобы духу твоего здесь не было, — приговаривала Клавдия, делая генеральную уборку в комнате, которую прежде занимала Ирка. — Не сумела жить правильно, живи теперь по закону.

Из ее комнаты она перешла с уборкой в другую. Потом в третью. И в итоге к шести вечера вылизала всю квартиру до блеска. Устала до дрожи в пальцах рук. Но осталась вполне довольна собой. Приня-

• *Лабиринт простых сложностей* •

ла душ. Переоделась в легкий трикотажный костюм из длинной юбки и кофточки на пуговицах. Нацепила на голову легкую шляпку и, заперев квартиру на все замки, начала спускаться по лестнице.

— Что-то вырядилась так, Клавдия? — прищурилась в ее сторону Нина Иванова, когда Новикова проходила мимо дворового стола к машине. — Уж не на радостях ли?

— Ничего не вырядилась. — Новикова открыла багажник, уложила туда сумки со своими летними вещами и босоножками. — И какая у меня, интересно, радость?

— Ну как же! — ядовито усмехнулась Нина. — Одна теперь. Воля вольная. Кого хочешь, на ночь приведешь. Ирка не осудит, не покосится. Да... Очень кстати она в тюрьму отправилась.

— Что значит «кстати»? — разозлилась на нее Клавдия. — За словами своими следи! Кстати!

— Я про пикового короля, Клавдия. — Нина уложила ладони с широко разведенными пальцами на карты на столе. — Пятый раз раскладываю: он везде.

Нина в этот час одна сидела за столом. И Новикова не сдержалась:

— Все брата мне своего простить не можешь? Язвишь и язвишь. Каркаешь и каркаешь. Какой пиковый король, опомнись! Нет никого.

— Так будет, — широко заулыбалась Нина и кивнула на карты. — Вот он, прямо в мыслях твоих, Клавдия. Быть ему в твоей жизни. Точно быть...

Новикова ворчала всю дорогу до дачного поселка. И Нину ругала с ее ясновидением карточным. И Иру, которая довела себя своей беспечностью до тюрьмы.

Въехав в поселок, она сразу повернула к магазину. Вспомнила, что сахар заканчивается. И масла растительного на доньшке бутылки. Попутно купила мармеладок и бутылку вина. Не дорогого, нет. Она не любила спиртного. И ничего в нем не понимала. Купила для возможных гостей, кои нет-нет да случались в ее дачном домике. И был среди этих гостей один мужчина, которого она особенно рада была видеть. Военный в отставке. Вдовец. Немного манерный, но видный и воспитанный.

— Может, он и есть пиковый король?

Клавдия Степановна заглушила мотор машины у самой изгороди своего участка. Она никогда не загоняла машину во двор. Не было специального места. Всегда за забором ставила.

— Клава, вечер добрый! — громко окликнула ее Марина Гнедых, ее дом располагался через дорогу. — Как в город съездила?

— Нормально.

Местные не знали о проблемах с ее племянницей. И она страстно желала, чтобы они не знали об этом и дальше. Она вообще здесь никому о себе ничего не рассказывала.

— А у тебя гость, — неожиданно сообщила ей соседка и подмигнула. — С обеда гостюет. Сам в калитку вошел. Сам дверь в дом открыл. Сказал, что твой родственник. Будто решил тебя дождаться по важному делу.

Новикова только тут обратила внимание на то, что окно в кухне распахнуто настежь. И оттуда пахнет едой.

— Гость? Какой гость? — нахмурилась она.

• *Лабиринт простых сложностей* •

И с досадой подумала, что это, может быть, Ирка, которую внезапно отпустили из тюрьмы. Может, нашелся тот самый третий, о котором она без конца твердила? И ее отпустили?

Вот как некстати!

— Не знаю, что за гость, но мужчина симпатичный. Хлопочет. Огород тебе полил. Еды наготовил. Чувствуешь, как пахнет вкусно?

Она уже ничего такого не чувствовала. Оставив все сумки в машине, рванула к калитке и легкой трусцой двинулась к крыльцу.

Пиковый король! Чертов пиковый король — кто он?! Чьи матерчатые туфли у порога стоят — аккуратно, носок к носку, пятка к пятке? Кепка белая на вешалке и кожаная черная сумка на длинной ручке. Чье все это?

Клавдия вбежала в кухню с высоко поднятой палкой, зажатой в правой руке. Она ее держала на всякий пожарный случай у порога в коридоре.

— Какого?.. — громко закричала Новикова на мужчину у газовой плиты. — Кто ты такой?! Что ты здесь делаешь? Я сейчас полицию..

Мужчина медленно повернулся. Опасно сощурившись, он широко развел руки в стороны и тихо проговорил:

— Не надо полиции, Клавдия. У меня не очень с ними складывается. Тебе ли не знать.

— Ты-ыы... — сипло протянула она, приваливаясь спиной к стене.

Взгляд словно заморозило на сутулом силуэте с узкими плечами под черной футболкой, на морщи-

нистом лице, когда-то привлекательном, а теперь изможденном и старом. И пальцы...

Эти его отвратительные пальцы, в настоящий момент сжимающие деревянную кухонную лопатку, прежде с легкостью семечек щелкавшие чужие замки. Пальцы были длинными, с аккуратными ногтями, в замысловатых татуировках. Она еще помнила, как они могли сводить ее с ума одним своим прикосновением.

Гадость какая! Зачем об этом вспоминать?

— Зачем ты здесь? Ты же, кажется, умер в тюрьме!

— Как видишь, жив. Мой кореш поторопился. А если честно, просто хотел развести тебя на деньги. Наверняка просил на поминки.

— Просил. Не дала. — Тяжелой поступью старой тетки она прошла к обеденному столу, уселась. И снова повторила: — Зачем ты здесь? Жить негде? Освободился недавно?

— Нет. Давно с законом не конфликтую. Живу почти праведно. И жильем обеспечен. — Она не сводила с него вопросительного взгляда. И он проговорил: — Ирина... Причина моего появления здесь — моя дочь.

— Хочешь покровительствовать ей в тюрьме?

— Нет, все не так, Клава. Я хочу ее из этой самой тюрьмы вытащить. Мы же понимаем с тобой, что она никого не убивала. — Он наклонился и заглянул опасным взглядом, кажется, на самое дно ее мятущейся души. — Или ты думаешь иначе?

ШАВА 4

Он стоял у своей распахнутой двери с оттопыренной щекой, за которой прятался пельмень, и недоуменно таращился на женщину, минуту назад позволившую в его квартиру.

Вера Умова! Какого черта?! Что ей надо? Вырядилась, как на свадьбу: белое платье в пол с нелепыми оборками на груди, делающими ее еще пышнее и объемнее. Красные туфли с узкими носами на шпильках. Алая заколка в виде розы в белокурых волосах. Что за маскарад летним воскресным утром? Он только недавно проснулся, разогрел вчерашние пельмени и хотел нормально, без суеты позавтракать. И тут она!

— Приве-ет... — пропела Вера и помотала в воздухе зажатой в правой руке бутылкой шампанского. — Ехала мимо. Дай, думаю, зайду. Вместе выпьем. Тем более и повод есть.

— Какой повод? — он все еще тупо стоял и рассматривал ее наряд невесты, забыв пригласить войти.

— У меня сегодня день рождения. А отметить не с кем. Позволишь войти? — ее улыбка сделалась нервной, губы подрагивали.

— Конечно, — нехотя посторонился Дима. — Проходи в кухню. Я сейчас.

Он вдруг вспомнил, что из одежды на нем одни трикотажные шорты, больше напоминающие трусы. И он еще не брился и зубы не чистил. И в комнатах у него полный бардак. Только в кухне более или ме-

нее чисто. Даже вчерашней посуды в раковине нет. Успел, вымыл утром.

Дима распахнул шкаф в маленькой спальне. Нашел спортивные штаны, футболку. Оделся. Кое-как причесался пятерней. Раздраженно задышал.

Вот что ему теперь делать? Какой-то день рождения выдумала. Он точно помнил, что они праздновали его перед Новым годом всем отделом, потому что Вере исполнилось тридцать лет. Юбилей как-никак. Думает, он забыл?

Он схватился за телефон в надежде, что пропустил какой-нибудь важный вызов или сообщение. Нет. Ничего. Зашел в соцсети, проверил, когда там была его начальница Хмельнова. Минуту назад. Может, попросить ее об услуге? Ну, чтобы она ему организовала вызов на место происшествия.

Нет, не очень хорошая идея. Дима отмел ее сразу. Хмельнова тут же уличит его в слабодушии и неспособности поступить жестко и по-мужски. А потом будет смотреть на него многозначительно и хмыкать при каждом удобном случае.

— Что ты делаешь, Вера? — ужаснулся он, входя на кухню. — Ну вот что ты делаешь?!

Вера стояла у раковины и чистила картошку. В платье невесты, с розой в волосах, на красных шпильках!

— Я решила, что нам надо с тобой прилично позавтракать. Что это за еда — магазинные пельмени? Я сейчас картошечки пожарю и...

— Прекрати! — повысил он голос.

Подошел, выключил воду и сунул Вере в руки рулон бумажных полотенец.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— Не надо никакой жареной картошки. Я ее не люблю, — соврал он. — И ты собралась шампанское закусывать жареной картошкой? Мило!

Вера конфузливо улыбнулась, судорожно вытирая мокрые руки. Осторожно разложила на подоконнике скомканные влажные комки бумаги. Оглянулась. Присела на краешек его кухонной табуретки.

— Прости, Дима, — неожиданно произнесла она, пряча глаза. — Нелепо вышло. Думала, ворвусь к тебе эдаким облаком: нарядным, воздушным. Понравлюсь, заставлю разволноваться. Глупо... И еще шампанское притащила! Вообще идиотизм. Ты не пьешь шампанского. Я это помню. Со своего дня рождения, которое мы вместе праздновали зимой.

Она подняла на него вопросительный взгляд. Он молча кивнул, подтверждая, что отлично помнит, когда именно у нее день рождения. Щеки ее покраснели.

— Прости, — повторила она снова, острый нос ее левой туфли без конца двигался, словно пытался стереть узор на его линолеуме. — Глупо вышло. Вырядилась еще...

— Тебе идет, — нехотя признал он. — Не парься ты так, Вера. Зашла и зашла. Воскресенье, утро. Почему нет? Для шампанского, конечно, еще очень рано. Но кофе-то мы с тобой можем выпить? А потом пойти прогуляться.

Он готов был идти с ней куда глаза глядят, лишь бы подальше от квартиры с разобранной кроватью, угол которой прекрасно просматривался из коридора. Очутиться с Верой в этой самой кровати он хотел меньше всего.

Кажется, она поняла его намерения. Потому что резко поднялась и произнесла:

— Давай кофе выпьем где-нибудь еще. Ты умывайся, Дима, я тебя во дворе подожду.

Он вышел к ней через рекордные десять минут, успев принять душ, побриться, почистить зубы и найти свежую футболку с чистыми джинсами.

— Куда пойдем? — поинтересовался он, выразительно глянув на ее туфли. — Готова к длительной прогулке?

Она не была готова. Шпильки были не для прогулки, шпильки были для него. Решили, что выпить кофе они вполне могут в парке через дорогу на открытой веранде. Народу к этому часу там было мало. И солнце еще не добралось до полосатого полога, под которым в жару дышать было нечем. Они уселись за дальний столик, заказав по кофе и пирожному.

— Хорошо здесь, — мечтательно улыбнулась ему Вера. — Народу мало. Прохладно пока... Ты извини меня, Дима, я, наверное, поломала какие-то твои планы.

— Хватит уже извиняться, — поморщился он досадливо. — И планов никаких не было. Порядок хотел в доме навести, подумать еще.

— О чем? — взмахнула длинными ресницами Вера. — О жизни?

— О деле. — Дима покусал губы. — Не дает мне покоя это убийство на лестнице. Все как-то...

— Слишком просто?

— Типа того, — он откинулся на спинку плетеного кресла, уложил на затылок сцепленные замком

• *Лабиринт простых сложностей* •

пальцы. — Вроде все понятно. Дюжина свидетелей. Отпечатки. Все как по учебнику, а...

— А она не признается! — легонько шлепнула кончиками пальцев по краю стола Вера. — Почему?

— Да! Почему? Бормочет ерунду про какого-то третьего. А его никто не видел. Не входил и не выходил никто из подъезда.

Дима замолчал. К столу подошел официант, принес заказ.

— Может, не входил и не выходил, что тебе кажется странным? — глянула на него поверх кофейной чашки Вера.

— Получается, она врет.

— Необязательно. — Она сунула ложечку с сахаренной вишней в рот, принялась медленно жевать. — Может, ее соперницу убил кто-то из жителей этого подъезда?

— Не может. Мотива ни у кого нет. Люди вполне себе приличные. И почти все были друг у друга на виду.

— Почти? Что значит «почти»?

Вера повозила ложечкой в воздушном креме. Недоуменно глянула и неожиданно покачала головой.

— Вы все квартиры в подъезде прошли в вечер убийства?

— Поквартирный обход, конечно же, был, но... — Дима досадливо покусал губы. — Убийца с ножом в руках — вот он. Перед глазами. Кому придет в голову мысль искать кого-то еще за закрытыми дверями?

— А дверей закрытых много было? — не отставала Вера.

— Так лето, время отпусков, Верочка. Кто на даче, кто на море. Конечно, половина квартир была заперта. Но на лестничной клетке, где произошло убийство, почти все жильцы были в полном составе. Только одна квартира оказалась запертой. А в остальных — работающий люд..

— Да, да, я знаю этот дом. Приходилось по службе сталкиваться.

— Что-то серьезное? — вытянул Дима шею в ее сторону. — По убитой что-то?

— Нет, нет. О ней мне вообще ничего не известно. Но район тот не очень благополучный. Подростки проблемные. По прошлой весне притон один накрыли. И наркотиками торговали, и проституцией занимались.

— В квартире?

— Сразу две квартиры объединили под притон. И ремонт закатали приличный. Дело было поставлено на широкую ногу.

— Прямо в этом же доме, где и было совершено убийство?

— Нет, не в этом. В соседнем. Но! — Вера допила кофе и поставила пустую чашку на стол. — В этом вашем доме живет один из фигурантов того громкого дела.

— Живет? Не сидит?

— Нет. Соскочил. Но даже странно, почему его не закрыли. Личность, скажу тебе, легендарная. Некто Сергей Иванович Золотов. В блатном мире — Серж

• *Лабиринт простых сложностей* •

Золотой. Пятидесяти лет от роду. На нары присаживался лет с семнадцати.

— Убивал?

— Нет. Крал... — Вера неожиданно протянула руку и погладила Диму по щеке. — Побрился... Успел...

От ее ласки он опешил, смутился, покраснел, уронил чайную ложку на стол. И кусок пирожного, которое он только-только поддел, плюхнулся на стол кремовой горкой.

Какая неловкость! Он не любил выглядеть неловким. Особенно в глазах женщин. Особенно если женщина была в белоснежном платье с воланами и алой розой в волосах. Почувствовал себя неуклюжим подростком, честное слово.

— И кого же обкрадывал Серж Золотой? На чем практиковался? — пристал он с вопросами, чтобы отвести внимание от своего смущения.

— А знаешь, он ничем не брезговал. И сейфы в богатых домах бомбил. Пару раз банки грабил. Но всяма неудачно.

— Откуда ты так много о нем знаешь? — изумился Дима, незаметно подхватывая крошки пирожного со стола салфеткой.

— Я очень плотно была задействована в деле с наркопритоном и проституцией. Горы бумаг, строй фигурантов, информации столько, что мозги кипели. Тогда-то я и познакомилась с этим легендарным дядечкой. Мне поручили вести опрос некоторых подозреваемых. Он был в их числе. Но... — полные руки Веры разошлись в стороны. — Он оказался не при

делах. Дурью не торговал, не употреблял, к девкам не зааживал.

— А чего его тогда взяли в разработку?

— Из-за биографии. Сам знаешь, с чего мы все начинаем работать. Вычисляем слабые звенья и... — Вера полезла в сумочку за кошельком.

— Прекрати, — возмутился Дима. — Я оплачу. Ты у меня еще и шампанское свое оставила. Завтра на работу принесу. Верну.

— Не стоит. — Вера грациозно поднялась с места, колыхнув сразу всеми воланами на платье. — Как-нибудь еще загляну к тебе. В более удобное время. Тогда и разопьем.

ШАВА 5

С некоторых пор ей стало страшно заходить в подъезд. И вечерами страшно, и особенно ночами, когда она возвращалась со своей смены в клубе. И не с некоторых пор, чего она манерничает? С тех самых, как убили девушку Аллу, проживавшую двумя этажами выше.

— Это меня хотели убить! — убеждала она трагическим шепотом свою подругу, прижимаясь к ее спине в койке. — Это точно меня хотели убить. Просто ошиблись!

— Ангел, прекрати истерику. — Саша нехотя поворачивалась, протискивала руку под ее шей, прижимала ее к своему крепкому плечу и целовала в лоб. — Спи давай. И мне дай поспать.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— Да пожалуйста! — обижалась Ангелина, выскальзывая из-под простыней и усаживаясь в компьютерное Сашино кресло. — Потом будешь жалеть, что не выслушала меня! Станешь плакать!

— О господи!

Саша грузно поднималась, тяжелой походкой шла в кухню и громыхала посудой в холодильнике. И ворчала, и ворчала, что в ее ночном «жоре» виновата Ангелина. И в ее лишнях килограммах виновата тоже она.

— Почему я? — скрестив руки под маленькой грудью, спрашивала Ангелина, возникая в дверном проеме кухни.

— Спала бы я и спала, и жрать не хотела бы. А ты же не даешь мне уснуть? Не даешь! Все ноешь и ноешь, — возмущенно округляла глаза Саша, откусывая от круга краковской колбасы огромные куски. — Вот кому ты нужна, скажи?

— В смысле? — моргала Ангелина растерянно. — Тебе нужна, разве нет?

— Мне нужна, но убивать-то я тебя не хочу. — Саша выразительно смотрела на круг колбасы в руке, тающий с бешеной скоростью. Вздыхала печально и добавляла с горечью: — Во всяком случае, пока не хочу убивать. Но если ты мне еще одну ночь испоганишь, Ангел, я за себя не отвечаю..

Так продолжалось почти каждую ночь, которую Ангелина не работала. Это три раза в неделю. И за неделю Саша прибавила в весе семьсот граммов. И ныла потом, ударяясь головой о стену, проклиная генетическую предрасположенность к полноте и чувствительности подружки.

Сегодня ночью Ангелина снова работала. Вернее, уже закончила и теперь снимала грим ватным тампоном, смоченным в специальном растворе, который ей готовили на заказ. Она уже сбросила сценический костюм и сидела перед зеркалом в крошечной гримерке, выделенной ей в индивидуальном порядке, в чем мать родила. Потому что, снимая грим, она могла заляпать свою личную одежду. А та красивая и дорогая.

И еще ей было жарко в этом крошечном помещении без окон. И еще ей было плевать на то, что ее кто-то увидит голой. Она только что два с половиной часа — с небольшими перерывами — отмоталась у шеста почти без одежды. Крохотные стринги и наклейки на сосках не в счет. И еще ей нравилось смотреть на себя обнаженную. Ее тело было совершенным. Так считала она. Так думали и клиенты, которые ей платили за танцы.

Ангелина в последний раз провела по лицу ватным тампоном, швырнула его в корзину для мусора. С громким зевком потянулась и встала, чтобы начать одеваться. Но ее спугнули громким стуком в дверь.

— Ангел! Ангел, это я, — заныл под дверь мужской голос. — Открой, пожалуйста! Есть разговор!

О боже! Она в притворном раздражении закатила глаза, хотя тот, кто стоял по ту сторону двери, не мог этого видеть. Дотянулась до прозрачного пенюара, которым пользовалась не часто, а именно в таких вот случаях, набросила на себя и повязалась блестящим поясом.

— Чего тебе? — холодно поинтересовалась она, распахивая дверь.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— Я войду? — спросил неожиданный гость и шагнул в гримерку.

Помещение мгновенно словно вдвое уменьшилось в размерах. Гость был высоким, широкоплечим, мускулистым. Огромным, короче, он был, по ее понятиям. Темные глаза из-под низких бровей тут же прошлись по ее телу. Крупный кадык дернулся на мощной шее.

— Ты голая, — выдохнул он и судорожно сглотнул. — Ангел, ты великолепна!

— Ты за этим здесь? — возмущенно прошипела она, хотя его восхищение всегда ей нравилось.

— Нет. Не за этим. — Он тронул ее стул за спинку, спросил: — Присяду?

Она знала, что это был коварный план. Когда Иван усаживался в ее гримерке, он загораживал собой дверь. И выбежать из крохотной каморки она не могла. Оказывалась зажатой в угол. И пару раз Иван даже распускал руки. За что бывал наказан местной охраной. Он, конечно, был влиятелен, но правила в этом клубе были для всех одни. Он об этом знал, и синяки охранникам прощал.

Он уселся на ее стул перед зеркалом. Глянул на ее личный белоснежный костюм на вешалке.

— Помню этот наряд. Ты в нем богиня!

— Иван! Говори и проваливай. Мне еще до дома добираться.

— Могу подвезти, — отреагировал он тут же.

— Нет, не можешь! Говори!

— Ладно...

Он уставился на ее грудь, ощетинившуюся аккуратными сосками под тонким прозрачным пеньюа-

ром. Снова судорожно сглотнул и неожиданно отвернулся. Ангелина насторожилась. Разговор он, стало быть, не выдумал.

— Ваня, что?

— В общем, слышал, на твоей лестничной клетке девку зарезали. — Он вопросительно глянул.

— Так точно, Ваня. Зарезали.

— Кто? За что? — прищурился он своему отражению в зеркале гримерки.

— Просто девушка. Жила двумя этажами выше. К ней пришла знакомая. Они пили, пили. Разругались из-за парня, с которым обе трахались. Одна из них выбежала из квартиры. Вторая за ней вниз по лестнице. И на нашей лестничной клетке одна другую зарезала.

— Как я слышал, нанесла несколько ножевых ранений? — он вопросительно глянул на ее лицо, не на грудь.

— Будто так. Не уточняла. Я в тот момент спала перед ночной сменой. Ко мне полиция даже не дозвонилась. Сашка звонок отключает, когда я сплю.

— Какая у тебя заботливая подруга, — скрипнул зубами Иван. — И менты, значит, к тебе не попали?

— Нет. А зачем им я?

— Ну как... Все соседи повыскакивали из своих дверей, так громко девчонка орала. А ты спала! Неужели правда ничего не слышала? Или испугалась дверь открыть?

— Ваня, а чего мне бояться, скажи? Девушки мужика делили. Напились. Переругались. Одна другую зарезала. Мне-то чего бояться? Не меня пришли убивать.

• *Лабиринт простых сложностей* •

Против воли последняя фраза вышла у нее какой-то скомканной. И Ангелина замолчала, прикусив губу.

— Вот видишь, и ты не уверена.

Он встал, заполнив собой все пространство маленькой гримерки. Дотронулся указательным пальцем до ее подбородка и медленно повел им по скуле. Добравшись до ее виска, легонько постучал и добавил:

— И я не уверен.

— Ты о чем? — она так растерялась, что даже по руке его привычно не ударила.

— Боюсь, что убийца пришел по твою душу, Ангел. Вас просто перепутали.

Его палец осмелел, юркнув к ее затылку под волосами.

— В смы-ысле?! — опешила она и тут же запоздало ударила Ивана по руке. — Прекрати свои штучки. Меня тошнит от твоих прикосновений. Разве ты не помнишь...

— О чем? О том, что ты любишь женщин? — его полные губы разошлись в ухмылке, он недоверчиво покачал головой. — Помню, Ангел. Только мы ведь с тобой знаем, что это не более чем легенда. Так?

— Нет, не так! Убирайся! — вспыхнула она, задирая вверх крепко сжатые кулачки. — Это ты сюда с легендой явился, чтобы запугать меня! Надеешься, защиты у тебя попрошу? Идиот! У меня есть Саша. И мне никто больше не нужен. Уясни это, Ваня!

Подобными словами заканчивалась почти каждая их встреча. И хотя этих встреч становилось все

меньше и меньше, Ангелина не могла не признать, что выходит из себя все чаще.

— Ты меня просто достал! — выпалила она, поймав в зеркале свое покрасневшее лицо. — Надо додуматься: меня пришли убивать! С какой, сука, стати? Я никому, кроме тебя, дорогу не перешла! И тебе, если разобьются, ее не переходила...

— Ага. Согласен. Ты просто со мной рука об руку идти не желаешь, — миролюбиво заулыбался Иван, спрятав руки на всякий случай в карманах тонких льняных штанов. — Нет, Ангел, не я твой враг.

— А кто? — выпалила она.

— Тот, кого ты подставила шесть лет назад. Помнишь школьную историю? Тебе шестнадцать. Ему почти сорок. Он влюбился. Ты играла его чувствами. Хорошо до секса у вас не дошло, как ты ни старалась. А то бы сидеть дяде долгие годы. Вспомнила?

На негнущихся ногах она шагнула к стулу и медленно на него осела. Поставила локти на туалетный столик и, спрятав лицо в ладонях, глухо произнесла:

— Помню. И мне за это до сих пор стыдно.

— Тебе просто стыдно, а дяде не вмоготу. — Иван навис над ней и шептал прямо на ухо, обдавая горячим дыханием. — Его после этой громкой истории бросила жена. Дети с ним не общаются. Его уволили и никуда не брали на работу в вашем Мухосранске. И дядя был вынужден уехать. И знаешь куда? Правильно, Ангел! Умница! Здесь твой дядя — тобою умело соблазняемый. В столице нашей Родины — в Москве.

• *Лабиринт простых сложностей* •

— Откуда знаешь? — глянула она на него из-под ладоней.

— Оттуда, что он стал постоянным посетителем этого ночного заведения, малышка. — Иван прилип щекой к ее щеке, занавешенной волосами, продолжая шептать. — Я же должен знать, кто тобою особо восторгается? Должен. И мои ребята сразу его вычислили. Всегда приходил в одно и то же время: только в те ночи, когда выступала ты. Садился за один и тот же столик. И смотрел на тебя, не отрываясь. А после убийства несчастной твоей соседки вдруг исчез. Скажи мне, почему, малыш?

— Не знаю...

Голос ее дребезжал. Пальцы рук подрагивали. Ее даже слегка подташнивать начало оттого, что все ее подозрения оказались правдой. А Сашка неправа! И напрасно она на нее рычала, обвиняя в собственных ночных обжорствах.

Убить хотели именно Ангелину, не бедную девушку Аллу! Их просто перепутали! Потому что они...

— Вы ведь немного похожи с ней, Ангел. С той девушкой, которую убили. Фигура, рост, черные волосы. Он мог без сценического грима запросто вас перепутать. И убил несчастную он, а не ее подруга.

— Но полиция считает иначе, — возразила Ангелина слабым голосом.

— Полиция схватила того, кто стоял над трупом с ножом. Им зачем землю рыть в направлении твоего прошлого, когда готовый подозреваемый имеется? Девчонку посадят, а дядя... — он погладил ее по плечам и тихо прошептал: — А дядя, поняв ошибку, вернется за тобой, Ангел...

ШАБА 6

Ее никто не трогал в камере, вопреки предсказаниям ее тетки. На нее там почти не обращали внимания. Даже извинялись, когда нечаянно задевали локтем возле умывальника. Она ничего не могла понять. Сначала подумала, что это заслуга полиции. Они специально поместили ее в камеру с очень вежливыми преступницами. Потом подумала, что так обстоят дела везде. А в кино просто выдумывают, показывая всякие ужасные издевательства и унижения. Но вчера вечером ее иллюзии улетучились, когда толстая тетка в потной махровой кофте жестоко избивала свою подружку. Та заползла под койку и тихонько скулила оттуда и просила прощения за что-то, неизвестное Ирине.

— Зачем вы так? — округлила она глаза, рассматривая толстое потное лицо тетки в кофте. — Это жестоко и неправильно.

Та на мгновение опешила, а потом пошла на нее осторожными мелкими шагами. Под ее весом, казалось, скрипел даже бетонный пол.

— Слышишь, ты, праведница! — прошипела она ей в лицо, подойдя слишком близко к месту, где стояла, прижавшись к стене, Ирина. — Скажи спасибо, что за тебя авторитетные люди похлопотали, иначе...

Она резко обернулась, услышав, как избитая ею подружка пытается вылезти из-под койки. Та, поймав злой взгляд, тут же уползла обратно и снова тихонько заскулила.